
УДК 81' 373

ББК 81. 411. 2 - 3

Н 24

Намитоква Р.Ю.

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Адыгейского государственного университета

Сапиева С.К.

Аспирант кафедры русского языка Адыгейского государственного университета, e-mail: atikal16@yandex.ru

Кавказская лексика как транслятор культурных смыслов в русском языке и речи (Рецензирована)

Аннотация:

В статье анализируется кавказская лексика, представленная в рассказах северокавказских писателей начала XXI века, определены их тематические группы и способы семантизации в структуре текста.

Ключевые слова:

Заимствования, кавказская лексика, тематические группы, частотность, способы семантизации.

Namitokova R.Yu.

Doctor of Philology, Professor of Russian Language Department of Adyghe State University

Sapieva S.K.

Post-graduate student of Russian Language Department of Adyghe State University, e-mail: atikal16@yandex.ru

The Caucasian lexicon as a translator of cultural senses in the Russian language and speech

Abstract:

The paper provides an analysis of the Caucasian lexicon presented in stories of North Caucasian modern writers. The authors describe their lexical sets and ways of their meaning revelation in a text structure.

Keywords:

Borrowings, the Caucasian lexicon, lexical sets, rates, ways of meaning revelation.

«Если предположить, что смыслы России, позволяющие ей продолжаться в истории, заложены в ней самой, - например, в преодолении тех внутренних противоречий, из которых она состоит, - то Кавказ становится важнейшим смыслом России XXI века», - считает Максим

Шевченко, один из наших известнейших острополемичных журналистов [1].

Именно этим словам созвучны рассказы сорока пяти северокавказских писателей, представленные в книге «Война длиною в жизнь», изданной Фондом С.А. Филатова в 2007г.

В предисловии к книге Гарий Немченко, - составитель и редактор сборника - известный на Северном Кавказе русский писатель, уроженец кубанской станции Отрадной, не понаслышке знающий быт и традиции населяющих его народов,- пишет, что «Кавказ всегда был особым миром, впитавшим в себя наследие одной из самых древних цивилизаций... Тысячелетия бывший историческим перекрёстком и задержавший в горах и ущельях не только раненных в бою или уставших в пути, но и очарованных красотой и величием здешних мест, за века и тысячелетия он накопил в себе непоколебимую решимость защитников-аборигенов и яростный пыл новых насельников. Эта ставшая общим достоянием энергетика и нынче незримо витает над Северным Кавказом. Она и его неоспоримое богатство, и постоянная грозная опасность. Не только для него самого. Для всей России. А значит — для всего мира» [2: 10].

Именно обо всём этом по большому счёту рассказы сборника «Война длиною в жизнь» - о личной войне с самим собою, с пороками общества, с клановыми раздорами и с нестабильностью, о войне за единое духовное пространство разноязычного Кавказа. Эти рассказы, по мнению Гария Немченко, и есть прообраз «наборного пояса России», как часто называли разноплеменный Кавказ раньше, ибо авторы рассказов, подобно поясу с набором наконечников из черного серебра (необходимый атрибут горской черкески - символ готовности, если его надевают, служить «земле предков и живущему на ней своему роду») отражают готовность многоликой творческой интеллигенции к диалогу культур, к сотрудничеству, к пониманию сложности тех проблем, которые нельзя решить в одиночку.

Все рассказы достаточно своеобразны и по тематике, и по смысловой направленности, но практически каждый автор в большей или меньшей степени пытается наделить свое творение тем *национальным колоритом*, который бы отражал

культуру и быт его собственного народа.

Этот национальный колорит создается не в последнюю очередь *экзотической* лексикой - в данном случае называемой нами *кавказской*, ибо она в той или иной мере является общей для многих народов Кавказа и цементирует их духовное единство. Условно лексемы, к ним относящиеся, в поисках единословного термина мы называем *кавказизмами*, независимо от их происхождения [3: 7; 4: 668].

Следует заметить, что при известной традиционности теории заимствований терминосистема в этом направлении исследований не столь стройна и логична, как например, в ономастике.

Так, под *экзотизмами* среди заимствованных слов подразумевают, судя по важной для нас последней работе, связанной с Кавказом, «лексический пласт, единицы которого характеризуют специфические национальные особенности жизни разных народов и употребляются при описании действительности в художественном тексте» [5: 14]. Иными словами, кавказизмы с этой т.з. являются разновидностью экзотической лексики. С другой стороны, это же понятие вкладывается в термин «*регионализмы (экзотические слова)*» - все слова, словосочетания, обозначающие быт, нравы, обычаи, традиции, продукты, товары, особенности речевого этикета, которые используются в процессе вербальной коммуникации между членами полиэтнического сообщества» [6: 203-204].

Однако опыт 200-летней совместной жизни наших народов показывает, что *шашлык, хачапури, арба, башлык, кумыс* и масса им подобных слов, экзотикой уже «не пахнут», поскольку вошли в быт и культуру разных этносов и представлены не только в русской классике, но и в русской речевой практике. То есть объем самой экзотической лексики подвижен и подвержен трансформации во времени и пространстве. Что касается *этноэлементов*, под которыми в той же статье

[6: 204] понимаются слова, «в которых содержится смысл, связанный с принадлежностью к этнической группе людей», то оно, к сожалению, не иллюстрировано примерами и, на наш взгляд, недостаточно информативно.

Кроме того, в ряде работ к *регионализмам* на фоне литературной нормы относятся диалектизмы, жаргонизмы, живая городская и сельская речь. Представляется, что близки к экзолексике и понятия *ориентализмы, этнографизмы, ксенизмы*, но их разграничение и соотносительность – тема отдельной работы.

Конкретная задача данной статьи – выявить кавказскую лексику в рассказах северокавказских писателей начала ХХI века и сопоставить ее с тем, что представлено в Словаре экзотической лексики Ф.И.Джаубаевой, лексики, извлеченной из произведений русских писателей ХIХ в. о Кавказе (А.А.Бестужев-Марлинский, А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов, Л.Н.Толстой), чтобы определить ядерно-периферийные отношения этого пласта лексики и их представленность в структуре современного художественного текста.

В сборнике «Война длиною в жизнь» функционирует более 400 кавказизмов - 170 кавказизмов-апеллятивов и 245 кавказизмов-онимов, что позволяет сделать первый вывод – в пользу расширения ономастического поля современного текста и сужения апеллятивного (для сравнения - в Словаре Ф.И.Джаубаевой: апеллятивов - 241, онимов-60).

При вводе кавказизмов в текст используются разные способы их семантизации, известные и описанные в литературе [1: 16-18].

Выделим типичные из них, представленные в рассказах:

1) дается авторский комментарий в сноске:

*-ну, давай, иди. **Воллаги-биллаги***, тебя никто не тронет - **Воллаги-биллаги** – формула клятвы (араб.) [2: 318]; *Потеря коня многократно удешевляет го-**

*лову его хозяина, и подобная переоценка вполне соответствует духу **адыге хабзе** - **адыге хабзе** - неписанный нравственный кодекс общественного бытия у кабардинцев, черкесов и адыгейцев (единое самоназвание – адыги) [2: 426];*

2) предлагается авторское пояснение в контексте (нередко в скобках):

*Кукуруза была питанием универсальным. Из нее готовили **пастэ** (адыгейский вариант мамалыги), **хьантхупс** (похлебка), **аширай** (суп на молочной основе), **хьатыкь** (нечто вроде булочки, но из кукурузной муки), **мэджаджь** (похож на пирог, особенно если с тыквой), **гуйбат** (то же, что и булочка-**хьатыкь**, но не печеное, а вареное), **щипс** (соус). Обычно нашей едой были мамалыга-**пастэ** и соус-**щипс** с картошкой или фасолью и **пастэ** с **щипу** (кислым молоком). По особым дням пекли **хьатыкь**-булочки и **мэджаджь** - пирог [2: 619];*

3) в тексте имеется прямой перевод слова:

*Кроме огорода, у тети был **хатежьый-огородик** [2: 620]; главное в этом искусстве – сделать дело настолько тихо, ловко и незаметно, чтобы даже хозяйская собака ухом не повела, чтобы какой-нибудь **доносчик** – **хаши**, даже краем глаза ничего не увидел [2: 437];*

4) возможно и индивидуально-авторское толкование слова:

*Интересным был вечер, когда у нас вязали для **нысэ** платок. Для этого устроили **шьыхьаф**, это слово переводится как «взять труд взаимы», или «работа в кредит» [2: 626];*

5) предлагается авторская оценка явления, называемого кавказизмом:

*(дети)... стали меньше ... увлекаться играми, становясь чуть постарше, всё более приобщались к **фицига** – «черноте священной» (Неизвестно, почему адыги магомётанскую грамоту, чтение Корана, назвали чернотой) [2: 451].*

В целом среди апеллятивных кавказизмов, извлеченных из данной кни-

ги, выделяются следующие лексико-тематические группы:

1. Лексика, называющая еду и напитки (22): *хьалэжь* (пирожок с сыром), *тукач* (лепешка с сыром), *сискал* (кукурузный хлеб), *мамалыга* (кукурузная каша), *махсыма//бахсымэ* (легкий хмельной напиток), *айран* (кислое молоко), *чуда* (пирог), *щипс* (соус), *гомьль* (походная пища) и т.д.

2. Лексика, выражающая различные эмоции, чувства, приветствия, обращения, пожелания (18): *салам*, *саям аллейку*, *унан* (возглас у женщин), *машалла* (не сглазить бы), *ыйт*, *ым*, *аферым* (выражение высшей похвалы), *ае-насын* (восклицание, выражающее укор, сожаление), *оллахи//воллаги* (восклицание, типа русского *ей богу!*), *ямагай* (обращение к народу у ногайцев) и т.д.

3. Этнонимическая лексика (14): *ногаец*, *чеченец*, *ингуш*, *кабардинец*, *адыг* и т.д.

4. Лексика, называющая род занятий (12): *аза* (знахарка), *теке* (шут), *эфенди* (учитель - у каб., адыг., черкес., балк., карач.), *аталык* (учитель), *кан* (ученик), *хаша* (доносчик), *аксакал*, и т.д.

5. Религиозная лексика, называющая клятвы, молитвы, имя Всевышнего (12): *воллаги-биллаги* (формула клятвы), *тоба* (значит вернуть обратно произнесенную клятву), *щипка* (клятва), *зэпэбаиш* (клятва), «*бисмиллахи, рахманин-рахим*» («Во имя Аллаха, милостивого и милосердного»), *Тха* (Бог) и т.д.

6. Лексика, называющая предметы быта (7): *анэ* (стол), *баляг* (деревянная лопатка), *кубган* (кувшин), *хурджины* (переметные сумки), *кутал* (большая корзина), *арчак* (каркас седла) и т.д.

7. Лексика, называющая представителей темной, нечистой силы (5): *шайтан* (дьявол), *джинн* (злой дух), *уд* (колдун), *алмасты* (нечистая сила// снежный человек);

8. Лексика, обозначающая род-

ственные и приятельские отношения (4): *тат* (отец), *нан* (мать), *нысэ* (невестка), *апиий* (друг).

9. Лексика, называющая социальное положение персонажа (4): *пиитль* (крепостной), *уорк* (дворянин), *тхукогл* (свободный крестьянин), *хаким* (чиновник).

10. Народные собрания, суды (4): *хасэ* (народное собрание у адыгов), *мехкем* (духовный суд), *хеяче* (народный суд), *ким* (место схода мужчин-у лезгин).

Самыми частотными лексемами в текстах явились следующие: *Аллах* (36 употреблений), *уорк* (17), *Тха* (10), *нана* (9), *хаша* (7).

Наиболее активной себя проявила религиозная лексика: 17 лексем (*имам*, *намазлык*, *намаз*, *Коран*, различные молитвы и обращения к Аллаху и т.д.) - всего 167 словоупотреблений. Следует назвать её, очевидно, наиболее устойчивой, сущностной, поскольку и в Словаре Ф.И Джаубаевой она остается почти неизменной. Лексика, называющая еду, напитки, одежду и головные уборы также оказалась самой востребованной в рассказах - на ее долю приходится 99 словоупотреблений.

На протяжении всего сборника особую смысловую нагрузку несет номинация *адыге хабзе* (9 употреблений) // *адыгага* (5 употреблений), означающая и включающая в себя такие понятия, как почитание старших, гостеприимство, честь, достоинство, благородство, скромность, мудрость, гордость и многое другое. На наш взгляд, эта лексема наиболее соответствует понятию *кавказскость*, которое подразумевает «дух, характер кавказских народов, кавказский менталитет» [8: 129].

Мы полагаем, что все кавказизмы, функционирующие в сборнике, независимо от тематической принадлежности, формируют эту *кавказскость*, *кавказскую идентичность*, что, в свою очередь, определяет специфику данных слов. Многие кавказские слова обозначают нечто боль-

шее (дополнительные оттенки и коннотации), нежели их русские эквиваленты, и в полном объеме понять, что же стоит за данным словом, какую эмоциональную и смысловую нагрузку оно несет, может только человек, выросший и воспитывающийся в той этнокультуре, к которой принадлежит данный язык. Так, по фразе - *Где вы, наши аталыки-воспитатели, у которых в каждом классе было по тридцать - сорок канов-учеников, всё больше, само собою, - оболтусов* [2: 705] - не поймешь, что аталык и его каны не просто учителя и ученики, а конституэнты традиционной на Кавказе системы воспитания – аталычества (< тюр. *Аталык - отец + къан - кровь, приемли*), обычая, бытовавшего преимущественно в среде князей и дворян, расширявших круг своих приверженцев, отдавая детей - преимущественно мальчиков - на *толерантное* (говоря современным языком) воспитание - до их полного взросления - в чужие, но весьма известные и уважаемые в обществе семьи своих аульчан и даже соседних народов [9: 119-121].

Кавказ, «с его насыщенной палитрой народов, традиционным обществом, острой политической жизнью, высоким, приобретенным огромной ценой за годы советской модернизации интеллектуальным уровнем значительной части населения и активным сопротивлением процессам социальной и технологической деградации» [1], каким его видят журналисты и писатели, нельзя понять, не признавая его самобытности, не считаясь с его кавказским акцентом, мужским презрением к смерти и энергетикой жизни. И кавказская лексика, вошедшая в русский язык и насыщающая его новыми и новейшими смыслами, отражающая историю, современный быт и многообразие межкультурных связей, такому пониманию способствует. Именно эту лексику надо внедрять в практику транскультурного общения. Ее должны знать и понимать политические лидеры страны. Её смыслы, её функции, её роль в аспекте межкультурной коммуникации являются одним из смыслов и нашей работы.

Примечания:

1. Шевченко М. Последний смысл России // Независимая газета. 2010. 10 июня.
2. Война длиною в жизнь: сб. рассказов северокавказских писателей. М.: Фолио, 2007. 763 с.
3. Намитокова Р.Ю., Шхалахо С.Ш. Кавказская лексика в аспекте межкультурной коммуникации // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 668-669.
4. Шхалахо С.Ш. Кавказская лексика в русском языке и в русскоязычных текстах (на материале адыгизмов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2004. 25 с.
5. Джаубаева Ф.И. Экзотическая лексика в произведениях русских писателей о Кавказе. Опыт словаря / под ред. К.Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. 364 с.
6. Блягоз З.У., Блягоз А.Н. Речевая реализация регионализмов и этнических элементов, их роль в развитии двуязычия в условиях полиэтнической среды // Русский язык в социокультурном и образовательном пространстве Республики Адыгея: материалы науч.-практ. семинара. Майкоп, 2009. С. 203-207.
7. Китанина Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке. Ростов н/Д: РГЭУ РИНХ, 2005. 16 с.
8. Шадже А.Ю. Феномен кавказской идентичности // Очерки кавказской культуры. Майкоп, 2001. С. 128-145.
9. Мусукаев А.И., Першиц А.И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1998. 239 с.